

11. См.: Кутырев В.А. Культурологический смысл глобализма /library/ kutyrev/globalism.html

12. Бек У. Национальное государство утрачивает суверенитет // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста: Сб./ Сост. А.Ю. Ашкерова – М.: ООО Изд-во АСТ: ЗАО НПП Ермак, 2004 – С. 50, при этом «Мир» в словосочетании «мировое общество», согласно У. Беку, означает, различия, многообразие, а «общество» - неинтегрированность, поэтому мировое общество можно понимать как многообразие без единства.

13. Бек У. Национальное государство утрачивает суверенитет // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста: Сб./ Сост. А.Ю. Ашкерова – М.: ООО Изд-во АСТ: ЗАО НПП Ермак, 2004 – С. 50.

14. Неклесса Н. А. Неопознанная культура/ Раб. мат-лы науч. совета по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН, препринт 30.10.2001 – М: РАН – С. 7.

УДК 1 (091)

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.89.1438

Бугазов Анвар Хусайнович,

*д. филос. н., профессор кафедры философии,
Кыргызско-Российский Славянский университет
имени Бориса Николаевича Ельцина, Кыргызстан
Абыкеева-Султаналиева Таалайгул Бакаевна*

*к. филос. н., доцент кафедры
философии, теории и истории культуры
Кыргызский национальный университет
имени Жусупа Баласагына, Кыргызстан*

PERSONALITY AS A SUBJECT OF SOCIAL DEVELOPMENT

Bugazov Anvar Khusainovich,

*D. Philos. Sci., Professor
of the Department of Philosophy,
Kyrgyz-Russian Slavic University
named after B. N. Yeltsin, Kyrgyzstan
Abykееva-Sultanaliєva Taalaigul Bakaєvna
Ph.D. Philos. D., Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Theory and History of Culture
Kyrgyz National University
named after Zhusup Balasagyn, Kyrgyzstan*

АННОТАЦИЯ

В данной статье личность рассматривается как субъект общественных отношений. В связи с этим рассматривается первоначальное понятие субъект как основание какого-либо процесса, явления или Абсолюта, а далее в современной советской литературе субъект уже имеет расширенное значение и обозначает человека, не как отдельно взятый индивидуум, а как общество. Субъекты возникают на разных уровнях социальных отношений, это могут быть как социальные группы, общество в целом, так и отдельные личности.

ANNOTATION

In this article, the person is considered as a subject of social relations. In this regard, the initial concept of the subject is considered as the basis of any process, phenomenon or the Absolute, and then in modern Soviet literature, the subject already has an expanded meaning and denotes a person, not as a separate individual, but as a society. Subjects arise at different levels of social relations, it can be both social groups, society as a whole, and individuals.

Ключевые слова: личность, субъект, классы, деятельность, социальные отношения, индивидуум, общество, гносеологический субъект.

Key words: personality, subject, classes, activity, social relations, individual, society, epistemological subject.

Введение. Одной из главных проблем научного познания является проблема личности как субъекта. Личность формируется в процессе социализации и включения себя в систему социальных отношений. Проблема личности как субъекта социальных отношений мало исследована

и в связи с этим данная тема является более чем актуальной. Цель данного исследования показать сущность личности как субъекта социальных отношений.

На протяжении длительного времени многие исследователи, стремясь осознать суть

исторического процесса, неизбежно сталкивались с проблемой субъекта общественного развития. Можно сказать, что в целом учение об обществе в философском аспекте было учением о субъекте как носителе целенаправленного действия, его материальной или идеальной природе. Это понятно, поскольку сама история определяется не иначе как деятельность субъекта, вне которой не и не может быть никакого общественного развития.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу исследования составляют общие и специальные методы научного анализа, диалектический и компаративный методы, социально-философский анализ.

Результаты и обсуждение. Первоначально понятие субъекта не было обязательно связано с человеком. Обычно этот термин использовался для обозначения носителя определенных свойств и изменений, лежащего в основании какого-либо процесса, явления. Часто субъект представлялся как Абсолют, который должен был придать всей мировой истории некую направленность и смысл, или же как средство реализации божественной воли.

В современной философской литературе утвердилось мнение, согласно которому субъект общественного развития - это не чистое сознание человека или абсолютный разум, а сам человек. Правда, здесь необходимо отметить существование двух принципиально разных подходов к пониманию данной проблемы. Первый, материалистический, акцентирует внимание на социальной природе человека, его обусловленности конкретными общественными отношениями. Другие исследователи, представляющие различные философские течения, предполагают функционирование индивида как самостоятельного субъекта, деятельность которого не связана какими-либо жесткими рамками.

В советской литературе считалось, что такая позиция содержит в себе преувеличение роли личности в историческом процессе. Кроме того, «людей высокого нравственного долга и мудрости, - как утверждает, например, А.В. Иванов, - несущих всю полноту персональной ответственности за принятие важнейших для судеб общества решений, не много. И было бы нецелесообразно, - по мнению автора, - наделять такими ответственными функциями одну-единственную личность, которая, как бы умна и нравственна она ни была, всегда может растеряться и наделать ошибок в критической ситуации»[7]. Предполагалось, что самосознание интеллектуальной элиты это всего лишь превращенная форма выражения интересов определенных исторических классов, личность при этом выступает субъектом деятельности только в рамках какой-либо социальной группы. При этом изначально фиксировалось качественное различие большой группы как субъекта и личности как одной из ее составляющих.

Вполне определенно по этому поводу высказывался П.В. Копнин, «подлинным субъектом, - писал он, - выступает человек не как

отдельно взятый индивидуум, а как общество» [8, 62]. В этой ситуации логично выглядело утверждение о том, что в качестве субъекта общественного развития, прежде всего, выступали большие группы людей, «совокупные субъекты», объединенные объективными свойствами и связями, например, классы, нации, партии, государственные учреждения, другие организации [9,8].

Надо сказать, что и в постсоветской философии, многие исследователи продолжают придерживаться данной методологии. «Основными социальными субъектами исторического процесса в ...истории человечества, - утверждает Д.А. Лаврентьев, - являются общественные классы» [11,126]. Процесс социального расслоения общества, продолжает автор, привел к тому, что на место слабо дифференцированной общности, пришли классы с различными интересами. Борьба классов на долгий период времени стала основным средством решения социальных проблем, а следовательно и «движущей силой общественного развития на определенной его стадии» [11,126].

В истории нашей страны классы являлись движущими силами и субъектами исторического процесса. Однако, следует заметить, что для осуществления глубоких преобразований, классы должны быть объединены с другими классами и общественными слоями. «В социально-философском смысле народ как творец истории – это широкая общность, соединяющая все те слои и классы, которые по своему объективному положению заинтересованы в поступательном движении общества» [11,126].

Сторонники данной точки зрения не видят оснований для ее критики и не собираются от нее отказываться. Напротив, «в современном, во многом взаимозависимом мире, - пишет Д.А. Лаврентьев, - проблема субъекта исторического творчества приобретает новые смысловые грани. В наше время правомерно ставить вопрос о превращении всего человечества, всего мирового сообщества в субъекта исторического процесса. Растущее осознание общей судьбы и общей угрозы, понимание того, что все люди находятся в «одной лодке», повышает роль человечества как единого и высшего субъекта исторического действия» [11,126].

Однако было бы неверным утверждать, что в материалистической и марксистской литературе в том числе, личность вообще не рассматривалась в качестве субъекта. Напротив, во многих работах можно было часто встретить утверждение о том, что наряду с обществом или безотносительно к нему в качестве субъекта выступает индивид. «Субъект, - говорится в одной из них, - это и развивающееся человечество, и отдельный индивид, взятые со стороны их активно преобразующей мир функции» [1,23]. Это устоявшееся мнение обосновывалось тем, что личность как субъект общественного процесса выступает носителем исторической необходимости и является своеобразной проекцией положения в

обществе определенной социальной группы, ее позиций и интересов. Подчеркивалось при этом, что конкретная личность обязательно принадлежит к той или иной общности, обладает лишь той свободой и в такой мере, которая обусловлена конкретными объективными обстоятельствами жизни этой общности.

Это относится и к гносеологическому субъекту. Правда, в решении вопроса о том, является ли последний одновременно субъектом социальной деятельности, позиции авторов расходятся. Одни из них считают необходимым различать социальный субъект, под которым понимаются народные массы, общество, и гносеологический субъект, выступающий в виде познающего индивида [13,131]. Другие исследователи, напротив, полагают, что субъект общественного развития и субъект познания следует понимать «не как две различные монады, как два феномена, а как единый субъект» [5,23].

Представляется первая точка зрения более близкой к истине, поскольку следует учитывать известные различия между субъектами практической и познавательной деятельности. Их отождествление неправомерно по крайней мере для исторически определенных форм общества, где сохраняются противоречия между умственным и физическим трудом. Познавательное отношение субъекта к объекту на уровне индивида есть функция мозга индивида, включенного в социальную систему. Всякая новая ситуация, встающая перед субъектом познания - это момент его собственной жизнедеятельности, воспринятый им в свете его прошлого опыта, аккумулятивного в его сознании. Тип такого субъекта определяется свойственной ему иерархией ценностей, которая образует онтологическую основу всякой познающей личности [2,68].

Социальный субъект соотносит окружающую реальность со своими представлениями о том, какой она должна быть, при этом он сам определяет критерии оценки данной действительности. Для такого субъекта кардинальное значение имеет обоснование исторически и социально ограниченных позиций самосознания в качестве верных и абсолютных.

Считалось, что, включаясь в систему общественных отношений разных видов и уровней, индивид овладевал орудиями материального и духовного производства, изменял окружающую действительность, развивал свои искусственные органы. Лишенный же материальных средств человек, утверждали авторы, даже при понимании тенденций общественного развития не мог реализовать свои возможности. Точнее, мог, но, как писал К.Н. Любутин, «в виде одиночного акта, значение которого при отсутствии массового действия остается просто бесследным» [10,182]. Трудно согласиться с таким утверждением, поскольку многие исторические примеры свидетельствуют об обратном. Например, в царской России, утверждал Н.Эйдельман, больше, чем в какой-либо другой стране, в жизни общества

все решало активное меньшинство, не десятки и сотни уездов, не тысячи и миллионы людей, а средоточие властей - Петербург» [16,50]. Последние события во многих постсоветских странах, связанные с попытками разрешить политический и экономический кризис, подтверждают справедливость данных слов. Скажем, в Кыргызстане, где все действия властей, направленные, по их мнению, на выход из создавшейся ситуации, встречаются населением республики с большой долей скептицизма.

Определенный интерес в этом плане представляют исследования, проведенные М. Хорманом и М. Драйвером. Было установлено, что существует тесная взаимосвязь между установками того или иного политического лидера с деятельностью правительства, в состав которого он входит [17,337-353]. Например, чем сильнее у политического лидера выражено стремление к насилию, тем вероятнее, что он прибегнет к силе, пытаясь решить те или иные политические вопросы. Примером может служить влияние личностных установок А. Гитлера на действия масс в Германии тридцатых годов. Так, по мнению Э. Фромма, все действия этого человека определялись одним желанием: отомстить окружающим за те унижения, которым он был вынужден подвергаться ранее, поскольку иначе будущий фюрер не мог доказать, что его нарциссический образ «Я» был не фантазией, а реальностью. Действительно, во многих других отношениях Гитлер был совершенно таким же, как и другие руководители европейских государств, и было бы неверным считать его политику чем-то из ряда вон выходящим в сравнении с тем, что, как свидетельствует история, делали лидеры остальных держав. Однако многие его действия, начиная с уничтожения миллионов евреев, русских, поляков и кончая распоряжениями, обрекавшими на страдания самих немцев, нельзя объяснить стратегической целесообразностью. Это, без сомнения, заключает Э. Фромм, результат личных качеств «вождя немцев» [15,342].

Отечественные исследователи в основном отрицательно отнеслись к подобным выводам. Последние, считает, например, Е.В. Егорова, «свидетельствуют не только о явной психологизации политических явлений, но и о заведомой ошибочности такого подхода...» [6,44]. Конечно, экономические и социальные законы существуют, но они воплощаются в жизнь благодаря деятельности людей. Поэтому вполне закономерно, что на магистральном пути общественного развития, как справедливо замечает А.А. Брудный, оказались те социальные системы, которые строятся на наиболее полном учете сильных и слабых сторон человека как индивида [3,67-68]. Понятно, что одна личность не обуславливает все формы социального поведения, но вопрос так и не стоит. Другое дело, что воля и решимость политического лидера, его целенаправленность действительно во многом определяют содержание деятельности масс. В этом

смысле личность может рассматриваться как субъект общественного развития. Практика политической жизни прошлого и настоящего содержит немало примеров, подтверждающих данное утверждение. Так, по мнению того же Э. Фромма, даже вождь российских большевиков В.И. Ленин, не признававший за отдельной личностью возможности определять ход исторического процесса, «резко изменил свое мнение в последний год жизни, когда отчетливо увидел отрицательные черты характера Сталина и потребовал в своем завещании, чтобы Сталин не стал его преемником» [14,139]. Можно соглашаться с исследователем или нет по поводу взглядов В.И. Ленина, но, безусловно, опасения «вождя русской революции» относительно своего «соратника» И. Сталина были небезосновательными. Характер этого политического деятеля, его взгляды и принципы впоследствии оказали решающее влияние не только на внутрипартийную жизнь, но и на весь ход общественного развития страны.

Сегодня в постсоветском обществе время от времени продолжается дискуссия о том, являлись ли действия И. Сталина и его ближайшего окружения выражением его личных взглядов или политики всей партии коммунистов. На наш взгляд, последняя точка зрения вряд ли соответствует истине, но несомненно, что И.Сталину, в силу различных обстоятельств, удалось представить свои воззрения по принципиальным вопросам развития страны как общепартийные и общенациональные

Аналогичная ситуация сложилась в Китае после прихода к власти Мао Цзэдуна. Уже в процессе внутрипартийной борьбы в компартии Китая были созданы организационные предпосылки для превращения учения Мао Цзэдуна в господствующую идеологию общества. Как свидетельствуют сами китайские историки, именно он выработал «единственно правильную» линию развития китайской революции, но до его прихода к руководству партии эта линия не являлась общей для всех коммунистов страны. В соответствии с этим, утверждают историки, в деятельности КПК было два этапа: «период поражения», пока Мао Цзэдун не возглавлял партию, и «период победы» китайской революции, когда в партии уже осуществлялись разработанные им идеи» [4,4-5].

Примечательно, что в период нахождения у власти И. Сталина в СССР и Мао Цзэдуна в Китае официально в этих странах всегда утверждалось, что ни одна личность, даже самая выдающаяся, самостоятельно управлять государством и тем более определять ход исторического развития своих народов не может. Вместе с тем, очевидно, что вся деятельность масс, ее содержание и направленность, как в СССР, так и в Китае, долгое время (и не только в обозначаемый период) обуславливалась установками, по существу, одного человека.

Заключение. Более верным представляется утверждение о том, что в качестве субъекта

общественного развития выступают люди, но лишь в той степени, в какой они сознательно или стихийно решают определенные исторические задачи. Поэтому можно предположить, что субъектом общественного развития выступают те социально-исторические общности или группы людей, деятельность которых направлена на решение конкретных социальных задач, и поэтому имеет определенные границы. Субъекты возникают на разных уровнях социальных отношений, это могут быть как социальные группы, общество в целом, так и отдельные личности.

Список использованной литературы:

Абишев К.А., Акмамбетов Г.Г., Ротницкий В.И. Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. А-Ата. 1975. С. 23.

Алтмышбаева Ж.А. Соотношение субъективного и объективного в развитии знания // Активность субъекта и развитие знания. Фрунзе, 1988. С. 68.

Брудный А.А. Наука понимать. Бишкек, 1996. С.67-68.

Варнаи Ф. Маоизм против мирового коммунистического движения. М., 1982. С. 4-5.

Гиндев П. Философия и социальное познание. М.. 1977. С. 23.

Егорова Е.В. Прикладные исследования американской политической психологией роли личности буржуазного политического лидера во внешней политике // Прикладные проблемы социальной психологии. М.. 1983. С. 44.

Иванов А.В. Социально-правовой космос России: Суждено ли сбыться мечте? // Вестник МГУ. Сер. «Философия». 1992. N2. С. 12.

Копнин П.В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966. С. 62.

Коршунов А.М. Диалектика субъекта и объекта в познании. М., 1982. С. 8;

Любутин К.Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской философии. М., 1981. С. 182.

Лаврентьев Д. А. Субъекты исторического процесса // Гуманитарный трактат. 2018. №27. С. 126.

Любутин К.Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской философии. С. 233.

Перов Ю.В. Вопросы методологии исследования социального субъекта в свете теоретического наследия «Капитала» К.Маркса // Диалектика объективного и субъективного в историческом процессе и социальном познании. Л., 1986. С. 131

Фромм Э. Иметь или быть. С. 139.

Фромм Э. Некрофилы и Адольф Гитлер // Вопросы философии. 1991. N9. С. 132.

Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. М.. 1989. С. 50.

Drives M.J. Individual differences in ideological content and conceptual structure as determinants of aggression in the inter-nation Sumulation // Psychology

Examination of Political Leaders. N.Y., 1976. P. 337-353; Theories, Finding and Methods. N.Y., 1974. P. 201-234.

Horman M.B. Leader personality and foreign policy Behavior // Comparing Foreign Policies:

УДК1 (575.2) (04)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В ДИАЛЕКТИКЕ

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.89.1439

Жакаева Гульсина Кочкорбаевна

аспирантка

Института философии,

права и социально-политических исследований им. А. А.Алтымышбаева НАН КР

INTERACTIONS OF TRADITIONS AND INNOVATIONS IN DIALECTICS

Zhakaeva Gulsina Kochkorbaevna

postgraduate student

of the Institute of Philosophy,

Law and Socio-Political Research named after A. A. Altymyshbaeva NAS KR

АННОТАЦИЯ

В настоящее время исследованию традиций и инноваций уделяется большое внимание. В отечественной гуманитарной мысли накоплен богатый опыт изучения традиций и инноваций. Но, несмотря на это, проблема традиций и инноваций, а также их взаимодействие только становится предметом самостоятельного философского исследования.

ANNOTATION

At present, much attention is paid to the study of traditions and innovations. In the domestic humanitarian thought has accumulated a wealth of experience in the study of traditions and innovations. But, despite this, the problem of traditions and innovations, as well as their interaction only becomes the subject of independent philosophical research.

Ключевые слова: традиции, инновации, социальная связь, социальная система, интеграция.

Key words: traditions, innovations, social connection, social system, integration.

Традиции и инновации - это сложные общественные феномены. Они проявляются столь многообразно, что отдельные их стороны могут быть предметом специального научного исследования. Традиции и инновации - понятия весьма объемные, многогранные, охватывают самые разнообразные явления жизни и являются предметом обсуждения и дискуссий. Но от этого, к сожалению, проблема разработки традиции и инновации не становится более понятной. Думается, эти важнейшие и столь необходимые в философском и практическом плане категории заслуживают, безусловно, отдельного обсуждения и дальнейшего изучения.

Разберем, что из себя представляют традиции и инновации.

Рассматривая традицию как общеполитическое понятие, универсальное образование, пронизывающее все этапы развития, все сферы общественной жизни, традиция не поддается однозначному определению.

Важно отметить, что традиция рассматривается как закрепившаяся в обществе норма, установка, задающая конкретную программу поведения и предначертывающая определенный образец действий. Также можно сказать, что традиция - социальная связь индивидов и групп в социуме. Важнейшим ориентиром является социализация, принятие культурного

наследия, приобщение социальных субъектов к культурным достижениям общества, соотносящиеся с современными потребностями социальных групп. Нельзя не отметить и то, что традиция понимается как система общественных отношений. Основа традиции - взаимоотношения людей, отношения в обществе. Она выражает то, что в социуме характеризуется стабильностью, повторяемостью, типичностью. Несомненно, что традиция - это информационная характеристика культуры, особая форма фиксации социальной информации, в качестве носителя информационного смысла, основываясь на накоплении, хранении, передаче наследственной социальной памяти. Она делает акцент на воспроизводство прошлых образцов деятельности. Результатом действия традиции является формирование и функционирование социального опыта. Тем самым традиция - стереотипизированный опыт. Традиция является всеобщим, универсальным механизмом осуществления культурной деятельности. Она выступает как способ существования, развития и функционирования культуры.

На наш взгляд, традициями можно назвать относительно устойчивую совокупность понятий и утверждений социальной философии, относящихся к онтологии, гносеологии, этике, эстетике; принципы разрешения философских проблем.